

БИБЛИОТЕКА КНИГИКРАТКО

**КУЗНЕЦОВЫ.
МОНОПОЛИСТЫ
ФАРФОРОВОГО
ПРОИЗВОДСТВА В
РОССИИ**

Библиотека КнигиКратко
Кузнецовы. Монополисты
фарфорового
производства в России
Серия «КнигиКратко»
Серия «Мини-книга»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27358646
Библиотека "Главная мысль"; 2015*

«Кузнецовы. Монополисты фарфорового производства в России». Ольга Белякова

Введение

О Матвее Сидоровиче Кузнецове известно все и ничего. Он старался избегать громких скандалов и интриг. Он не создал знаменитых театров, не покровительствовал знаменитым художникам и певцам, не был ярким политическим деятелем, его не проклинали рабочие как жестокого эксплуататора, он не писал в эпистолярном жанре... Но зато он создал фарфоровую империю, территориальный охват которой значительно превосходил границы Российского государства. То немногое, что сохранилось в архивах – это многочисленные купчие, записки в биржевой комитет, отчеты товарищества М.С. Кузнецова да скупые газетные и журнальные сообщения. Его фамилия даже не фигурирует у летописца именитых купеческих родов П. Бурышкина в «Москве купеческой». В представлении Бурышкина Кузнецов являлся выскочкой, недостойным в силу определенных своих качеств страниц его книги. Матвей Кузнецов не был оценен современниками по достоинству. Весьма скупой биографический очерк создавался при его жизни И. Токмаковым, но в дальнейшем более подробных сведений о нем не появлялось. В

произведениях советского периода он выставлялся комедийной фигурой скупердяя или в лучшем случае как капиталист нового поколения, бесцеремонно орудующий в дореформенной России.

Лучшим биографом Кузнецова служит его фарфор. Он вдохнул в него жизнь для многих поколений. Хрупкий, белоснежный кузнецовский фарфор кажется вечным, поскольку он живет в каждой семье, несмотря на две войны и революцию.

Часть 1 Глава 1 А начиналось все так

Великая фарфоровая империя Кузнецова родилась из добротного деревянного дома на берегу реки Дорки, что в гжельских землях, где в начале XVIII века жили старообрядцы-кузнецы. В истории предпринимательства семьи Кузнецовых, как в зеркальном блеске их посуды, отразилась вся история русского фарфора от кустарных мастерских Гжели, небольших крестьянских заводиков, отдельных фабрик вплоть до создания монстроподобных предприятий-гигантов, подобно Молоху высасывающих человеческие и природные ресурсы и производящих все тот же хрупкий, звонкий, белоснежный товар, которым человечество не устает восхищаться вот уже полторы тысячи лет.

В семейных хрониках любой известной промышленной

династии существует полумифологический образ ее основателя и легенда о приобретении первоначального капитала – основы могущества и процветания потомков. История родоначальника Кузнецовых – Якова Васильевича, как и история Саввы Морозова или Уильяма Рокфеллера, окружена ореолом таинственности. Это крестьянин, пришедший из безмолвствующей крестьянской среды гжельских старообрядцев поповского согласия[1], предки которого – кузнецы и гончары – испокон веков селились здесь, в самом сердце России, в покрытых густыми лесами землях, молясь в своих уединенных скитах и ведя в ожидании Страшного суда тихое полумонастырское существование. Местность эта граничила со знаменитой Гуслицкой волостью – центром старообрядчества.

На проезжем тракте между деревнями Ново-Харитоново и Речицами стоял большой богатый дом. И жил в этом доме кузнец со своими сыновьями. Кузнецы на Руси селились по окраинам, их дома всегда стояли особняком, чтобы беды какой не приключилось, ведь огонь в кузнице горит не переставая, а там и до пожара недалеко, дома-то везде деревянные. Был ли до этого на том же месте более бедный дом его пращуров, или стал строиться Яков Васильевич от родителей самостоятельно – неизвестно.

Сама фамилия Кузнецов, наряду с Мельниковыми и Рыбаковыми обозначающая профессиональную принадлежность человека, считается одной из самых распространенных

на Руси, как было востребовано и распространено их ремесло (если не считать традиционной триады Иванов – Петров – Сидоров).

Известно, что предшественники Якова уже носили фамилию Кузнецовых. По переписке 1716 года в деревне Харитоновой значился некто Фадей Иванов, его жена Наталья Власова и их дети: Ефрем, Авакум, Феклист, Митрофан и Пелагея. Старший, Ефрем, был дедом Якова. Сыновья Ефрема уже носили фамилию Кузнецовых и, вероятнее всего, были кузнецами. Яков был сыном Василия Ефремовича и Федосьи Родионовны. Сам родоначальник знаменитой династии был женат на Прасковье Ивановне, и у него было двое детей – слишком мало для того времени. И никому неведомо было тогда, что эта небольшая семья станет основоположницей могущественного рода фабрикантов Кузнецовых. От кузнечных промыслов вскоре осталась одна фамилия, а гжельская глина принесла потомкам Якова славу.

Кузнец из Речиц, Яков сын Васильев (1761—1816/23), отличался богатырским сложением, ему под стать были и сыновья – Терентий (1781—1848) и Анисим (1786—1850) – здоровенные детины, наделенные огромной физической силой, да и на язык остры, в чем угодно убедить смогут. Но скрытны и хитры. Не понять, чего у этих раскольников на уме. Их, известно, побаивались, о них ходили разные слухи, не случайно кузнецы в народных представлениях путались с нечистой силой (вот и Н.В. Гоголь нам поведал про кузнеца Вакулу и

его приключения с чертом перед Рождеством) и даже сами умели колдовать. Во времена дохристианские называли кузнецов «сварожичами» – сыновьями бога огня Сварога-могучего, сурового бога-воина. Да и принадлежали они к затерянной в гжельских лесах старообрядческой общине... Вот и недолюбливали местных сварожичей жители окрестных деревень, но на поклон приходили: кому коня подковать, кому инструмент справить... Всегда при работе кузнеца находили: и в праздники, и в будни, и ранним утром, и поздним вечером. В постоянном ожидании Антихриста и Страшного суда как еще спастись старообрядцам как не изнурительным трудом. В нем одном и была надежда на спасение. И горел не погасал огонь колдовской кузницы, а дружная семья, вопреки сплетням, только крепла и год от года умножала свои богатства. Горды были Кузнецовы своим нелегким трудом, ибо старообрядческий общежительный благой труд «Бога ради» приравнивался к христианскому подвигу во имя спасения. Он даже в ряде случаев напоминал о мученичестве Христа. «Не унываем в трудах, зане труды вечное блаженство подают. Не малодушествуем в подвизах, зане подвизи венцы безсмертные плетут. Не огорчаемся в терпении, зане терпение сладость присносущую раждает»[2].

А люди к ним шли и шли, и не только из округи. Часто бывало, подводы из городов и других сел останавливались. Богатый, просторный деревенский дом на Касимовском тракте привлекал многих путешественников из «своих» – попов-

цев, да было дело и православные никонианцы[3] заезжали, значит, стоял он в нужном месте. Издали в глаза бросался, большой и красивый. Скорее всего, просторный дом был своего рода гостиницей для единоверцев и одновременно молельней. Известно, что на протяжении длительного времени у поповцев было крайне мало священнослужителей и нередко божественную литургию служили миряне – наиболее авторитетные члены общины, ее попечители. Возможно, к ним и принадлежал Яков Кузнецов. Времена для старообрядцев были беспокойными, на них часто бывали гонения. Поздним вечером старообрядцы приезжали на ночлег и также незаметно после ночных молитвенных бдений ранним утром покидали дом кузнеца. Сам хозяин с сыновьями за столом прислуживал, а на рассвете его сыновья Анисим и Терентий и повозки могли подправить, и лошадок подковывали, хозяйюшка еду в дорогу давала, сам хозяин выходил провожать добрым словом, коней мог новых дать взамен уставших. Так и жили дальше, охраняя свою веру от посторонних.

В общем, и местоположение хлебосольного дома, и предпринимательская сметка Якова, и расторопные сыновья – все повлияло на успех дальнейших начинаний праотца будущего «фарфорового короля» Матвея Сидоровича Кузнецова.

Капиталец Яков сколотил по тем временам немалый. Кроме гостиничного бизнеса он и лесом приторговывал, – благо что места вокруг лесом обильны. В народе слух полз, что

сплавляет Яков богатых купцов из православных, как липу их обдирает... Насколько достоверны были эти слухи – одному Богу ведомо. Известно лишь, что за винопитие (как, впрочем, и за питье чая или кофия) на старообрядца накладывалась тяжелая епитимья[4]. А тут еще случай произошел, омрачивший существование потомкам великой династии промышленников. Возможно, в дворянской среде он воспринимался бы как проклятие рода, а среди нового нарождающегося класса буржуазии стал просто средством для получения первоначального капитала, который, как известно, не всегда появляется честным путем. Если обратиться к истории экономики, то мы найдем немало примеров, где первоначальное накопление капитала было сопряжено с воровством, грабежом, убийствами.

Так что же говорили злые языки про Якова и его сыновей? Однажды ненастным осенним вечером к дому кузнеца подъехала подвода с неким богатым купцом – бедных не привечали. И пошел тут, как люди сказывают, кутеж до самого рассвета, шумно, громко, огни не гасли. А на следующий день как и не было того купца. Как в воду канул. Говорят, порешили его Яков с сыновьями, да и река Дорка рядом. Камень к телу привязали и схоронили под водой на веки вечные. Жаль, что быстрая река говорить не умеет... Все ее воды унесли без следа: и купца, а с ним заодно и свидетелей. Так люди говорят. А был ли купец? А еще ходили слухи, что фальшивые деньги печатали Кузнецовы. Особенно Терентий

поднаторел в этом деле, благо и художники у него хорошие имелись, и краски. Одна из местных версий яркости фарфоровых красок на мануфактуре у Якова Васильевича – его бесчисленные опыты с красками для бумажных ассигнаций. Да кто ж их тогда не печатал, если народным слухам верить?

Другой версией происхождения баснословного по тем временам капитала Якова Кузнецова была помощь старообрядческой поповской общины. Возможно, он был одним из ее попечителей, подобно тому, как много лет спустя его правнук – Матвей Сидорович Кузнецов. Вполне вероятно, что его благое начинание могло иметь солидную материальную поддержку, ведь известно, что внутри старообрядческих общин сосредоточивались большие богатства. Примеров, подтверждающих это, немало. Так, крестьянин-старообрядец Ф.А. Гучков во времена гонений (особенно жестких при патриархе Фотии) получил на хранение от Преображенской общины беспоповцев[5] 12 млн рублей, которые после 1849 года стали основой его предпринимательской деятельности.

Каждый старообрядец должен был жертвовать заработанное общине и единоверцам. Если плоды трудов предназначались только для личного обогащения, адресовались «своему чреву», а не «Господеву нашему Иисусу Христу», то такой труд признавался бесполезным («Руководство для обучения юношей в делах веры»). Этот низкий труд не был благим и не допускался по праздникам и воскресным дням. Правда, с

течением времени такой труд стал допускаться и в праздники («аще нужда позовет»), а затем, в конце XIX – начале XX века, он завершился формированием в самом массовом направлении старообрядчества – поповско-духовной концепции Божьего дела, в которой важнейшее место отводилось труду, в том числе мирскому – «ради хлеба», земледельческому и торговому, признанному при определенных условиях «святым».

Многие представители купечества, несмотря на многочисленные гонения при Николае I, остались верны старой вере, и «старообрядчество явилось одной из национальных особенностей российского предпринимательства. Если на Западе протестантизм выступал как религия формирующейся буржуазии, то в России старообрядчество с его жесткими религиозными нормами стало одной из форм первоначального накопления капитала. Строгий семейный уклад, отказ от расточительства, от многих мирских удовольствий, патрональные отношения в общине способствовали формированию больших семейных состояний купцов-староверов. В результате реальная действительность обращала их и к торговой, и к промышленной деятельности и вырабатывала причудливые сочетания торгово-промышленной практики с патриархальными теориями и строгим следованием обрядам и обычаям старины»[6].

П.И. Мельников[7] замечал, что ускоренное промышленное развитие при Екатерине II, активизация купечества свя-

заны не столько с принятием Городового положения, сколько с прекращением преследований раскольников, «что имело важную долю влияния на развитие русской торговли, фабричной и ремесленной деятельности».

Как бы то ни было, но уже на следующий год после загадочного происшествия с мифологическим купцом заработали топоры, зашумели пилы. На берегу Дорки близ деревни Ново-Харитоново затевалось неслыханное по тем временам мероприятие. За два года до нашествия Наполеона в Россию в гжельских землях строилась небольшая мануфактура, где планировалось производить недорогую фаянсовую посуду для трактиров, питейных заведений и разбогатевших крестьян. Такие заводики на тот момент уже существовали в России. Однако не все они производили фарфор: пока это было очень дорого и невыгодно: зажиточные крестьяне окрестных деревень вряд ли смогли бы заплатить огромную цену за небольшую безделушку из драгоценного материала, а производимая продукция была бы слишком примитивной для взыскательного дворянского вкуса.

Имея столь внушительный капитал, Яков просто не имел права оставаться простым кузнецом. Для личного блага и для блага своей общины (что, впрочем, одно и то же) он должен был повысить свой статус, превратившись из простого крестьянина в фабриканта-промышленника. По воспоминаниям Владимира Рябушинского[8], «более всего в купеческой среде уважалось занятие промышленностью: фабри-

канты и заводчики стояли на первом месте; за ними шли купцы, а к лицам, занимавшимся коммерческим учетом, даже без всякого оттенка ростовщичества и из самых дешевых процентов, отношение было неискренне: в глаза уважали, а за глаза пренебрежительно говорили “процентчики”»[9].

Отстроив новую фабрику, Яков с сыновьями, усердно по-молясь, начали дело, прославившее их в России и за рубежом, но тогда, покрытые едкой фарфоровой пылью, смешанной с крестьянским потом, они лишь иступленно трудились наравне с немногочисленными рабочими-единоверцами да на конкурентов украдкой поглядывали.

Глава 2 Великая Гжель

Остается загадкой, почему кузнец, обеспечивающий всю округу косами да вилами, а богатых – постоем, вдруг решил организовать собственное фарфоровое производство? Что это было: очередная русская афера на «авось пронесет» или стратегически обдуманый шаг? Скорее всего, и то и другое. Для начального этапа капиталовложения необходимо было чутье, уверенность в будущем деле.

Выбор Якова Васильевича пал на фарфор не случайно: деревенька Ново-Харитоново, равно как и Речицы, находилась в гжельских землях, издревле славящихся своей особой глиной.

В 1633 году по указу царя Алексея Михайловича поиски особой глины в гжельских землях для аптекарской посуды возглавил известный в то время местный гончар Паш-

ка Птицкой. Возможно, он и стал производить «химическую посуду» для приготовления царских лекарств. Больше ничего мы не знаем об этом первом упомянутом в документах русском химике (тогда химиков называли алхимиками). Поиски наилучшей глины увенчались успехом, и позднее Алексей Михайлович закрепил гжельские земли с крестьянами за Аптекарским приказом[10]. Во время раскола гжельцы приняли сторону старообрядцев и тихо существовали в этой малолюдной лесистой местности. А может быть, гончары-старообрядцы располагали тайными знаниями сортов глин и изготовления из них особой посуды, – именно поэтому остались неприкосновенными в ходе борьбы с противниками реформирования церкви.

В отличие от великих керамистов Англии, творчество гжельских мастеров, производящих майолику, фаянс и полужапанс, носило, как правило, анонимный характер. Имена мастеров, таких как Птицкой, известны только узкому кругу специалистов. В целом деятельность гжельских мастерских, или, как их называют, русского Стаффордшира, расцвет которых пришелся на вторую половину XVIII—XIX веков, можно назвать стихийным народным творчеством.

Своей белоснежной глазурью[11] или эмалью[12] и яркостью красок русская майолика напоминала лучшие образцы европейской, на которую обратил особое внимание Петр I. Благодаря ему в России и появилось керамическое производство.

Первый русский император, любуясь и удивляясь заграничным образцам, всегда имел одно стремление – не закупить побольше, а научиться производить подобное: «к тому потребному занятию руки прилежные приставить. Чтобы добротой и чистотой та посуда лучше и чище была б всяких заморских».

На Руси майоликовая посуда называлась «ценинною», от слова «ценный», «ценить». Несмотря на высокие цены, ее охотно покупали. На рубеже XVIII—XIX веков это слово вытеснилось из русского лексикона новыми словами и более совершенными видами керамики. Когда же в середине XIX века вновь возрождается интерес к керамике прошлого, то называться она начинает уже по-европейски – «майолика».

Первая в России мануфактура, производящая майоликовую посуду, принадлежала купцу Гребенщикову и была основана в 1724 году. Он наладил выпуск майолики из гжельских глин. Обороты были по тем временам немалые, но в первое время своего существования посуда не производилась. По материалам Мануфактур-коллегии за первое время она продала 3727 изразцов с рисунком по полю, немалеванных – 540 штук и 28 800 курительных трубок. Эти предметы, пользующиеся особым спросом у населения, и принесли фабрике желаемую прибыль, средства от выручки шли на расширение производства. Да и в последующие времена для быстрой окупаемости производства в первую очередь производился недорогой, пользующийся популярностью на

ярмарках товар: миски, курительные трубки, чашки, фигурки. Несмотря на то что мануфактура принадлежала частному лицу, к ее развитию и продукции проявляли интерес коронованные особы – выполнялись заказы двора, например, на постный сервиз из тонкой майолики: «зделать на фабрике Гребенщикова ценинной посуды, какова ныне здесь при высочайшем дворе ея императорского величества имеетца, которых придворной конторы зделать заказать шесть сервизов з гербом с надписью придворную разным цветкам, которые имеют употребляться в великий пост и в пост Успения пречистые Богородицы, а в мясоедные дни только в одни пятницы». Посуда эта предназначалась для тех мест «по Троицкой дороге в Алексеевском, Братовщине и Воздвиженском селах, тако ж и в других подмосковных местах, где состоящие ведомства дворцовой канцелярии дворцы имеются, в которых в прошлех годех ея императорское величество присудствие иметь изволила» (Указ марта 26-го дня 1753 года). Заказы по тем временам немалые. С того времени мануфактуру Гребенщикова можно назвать даже придворной мануфактурой, производящей майолику и только.

Ровно век спустя производство керамики становится основным источником жизни в гжельских землях, где в рамках одного предприятия могли производить и более дешевые майолику и фаянс, и более дорогой фарфор. **Глава 3 История Императорского фарфорового завода**

Гжельская глина сослужила в 1747 году верную службу

русскому ученому Д.И. Виноградову[13]: в формуле его чистого русского порцелина соединились песчаная гжельская глина – черноземка и глина из Оренбуржья. Почвы Уральской и Центральной России произвели на свет великое чудо – русский фарфор – самый совершенный вид керамических изделий, который получают высокотемпературным обжигом смеси пластической огнеупорной глины, каолина^[14], полевого шпата^[15] и кварца.

Кроме Д.И. Виноградова был еще один человек, которому независимо от знаменитого химика удалось в том же 1747 году овладеть секретом белоснежной фарфоровой массы. Им был сын Гребенщикова, И.А. Гребенщиков. Его эксперименты до поры до времени поощрялись бароном Черкасовым[16] – главным осведомителем императрицы о состоянии порцелинового дела в России. Когда же стало известно об удачных экспериментах на Невской императорской мануфактуре, то ответом барона на письмо-заявку на патент от Ивана Гребенщикова (от 18 июня 1747 года) стал поджог ценной мануфактуры в Москве за Таганскими воротами: не положено купцам вперед императора лезть. Так обращалось государство в середине XVIII века с передовыми технологиями. И Виноградов, и Гребенщиков-младший – люди трагической судьбы: за обоими была установлена тотальная слежка, оба претерпели много бед из-за своих сокровенных знаний и оба слишком рано умерли ввиду частого потребления алкоголя. Иван Гребенщиков – в 1754 году, Дмитрий Вино-

градов – в 1758 оду. Выдавленная на белоснежной, еще не застывшей фарфоровой массе латинская буква W, казалось, имела оттиск в самом сердце Виноградова, была его вечным клеймом, которое жгло его всю жизнь.

Надо сказать, что история производства фарфора, или «белого золота», во все времена и в любой стране – это история интриг, подкупов и предательств. Секрет производства фарфоровой массы был известен только алхимику или так называемому арканисту (от лат. «арканум» – тайна). Личность арканиста обладала божественной неприкосновенностью. Иоганн Беттгер[17] – алхимик при дворе Августа Сильного[18], изобретатель твердого фарфора в Европе, стал первым европейским арканистом, работающим на устроенной вслед за его изобретением Мейсенской фарфоровой мануфактуре (1710). За арканистами был установлен строжайший надзор, их пытались подкупить, переманить, даже похитить, чтобы выведать секретную формулу. Того же Беттгера в период его химических экспериментов никуда не выпускали из замка Августа Сильного, где он пребывал в заточении, проводя эксперименты с красной нюрнбергской глиной, а затем с землей купца Шнорра – тем самым каолином, которого так не хватало для белого фарфора. В вынужденном заточении пребывал и Виноградов. Его страдания были просто несопоставимы с выходящими из его рук легкомысленными табакерками, которые с 1756 года подносились в качестве дорогостоящего подарка русским вельмо-

жам и императрице.

Тайна изначально окутывала фарфоровое производство с момента его зарождения в Китае в 620 году. ореол таинственности не испарился и в XIX веке, когда М.С. Кузнецов, по сути, вербовал агентов для производственного шпионажа. Они ездили в Европу, знакомя хозяина с новинками производства, новыми изобретениями в химии, физики. Эти тайные посольства очень похожи на визиты европейцев под самыми благовидными предложениями в Китай, дабы выведать секрет фарфоровой массы. Однако визиты эти в Китай ни к чему не привели: вроде бы имелся рецептик, да фарфора чего-то не получалось. Видать недоговорили китайцы, запомнили... Но все посланные в Китай, начиная с иезуита д'Антреколли и заканчивая русскими разведчиками, присланными Петром I, были до определенного момента уверены, что успешно завершили свой вояж и имеют истинную рецептуру фарфора, только записана она не совсем правильно, что-то помешало, ведь работа разведчика полна напряжения и риска.

Годы страданий Виноградова не прошли без следа. Подлинный расцвет начинается с восшествия на престол Екатерины II, когда Порцелиновая мануфактура превратилась в Императорский фарфоровый завод (1765). Помимо парадной репрезентации, Императорский завод был призван обеспечить фарфором и внутренний рынок страны. Задуманное при Екатерине II направление деятельности так и не было

осуществлено, поскольку в свободную продажу фарфор почти не поступал, то есть был рассчитан на «свою» аудиторию.

Во времена Екатерины художественным директором предприятия был французский скульптор Ж.-Д. Рашетт (1779—1804). Это при нем впервые начинают производиться огромные, монументальные сервизы из фарфора: «Арабесковый», «Яхтинский», «Кабинетский»... В 1780—1804 годах на Императорском фарфоровом заводе выпускается серия «Народы России» – почти дословное воспроизведение этнографического труда И.Г. Георги[19] «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» (1776—1777). Все, что производилось на Императорском заводе, было трудом лучших русских и французских живописцев и сразу становилось образцом для подражаний. Вскоре к этим работам прибавилось еще 60 фигурок из народной жизни, которые получили огромный резонанс в продукции частных заводов. Фигурки эти стали называться «куклами». Они имели небольшие размеры, что было важно при постановке в горн. Особую популярность фарфоровые куклы получили благодаря связям с русской народной игрушкой. В тот же период создаются вазы – первые в чреде блистательного шествия дворцовых собраний.

В период Павла I наблюдается тенденция к большей строгости форм и преобладанию в живописи пейзажного начала. В тот период большое внимание руководству фарфоровым заводом уделял князь Юсупов[20] – знаток изящных

искусств и страстный коллекционер. Именно в его собраниях хранились произведения французского живописца-романтика Юбера Роббера[21] – любимого художника князя. Влияние его стиля чувствуется в «Михайловском сервизе».

При Александре I в фарфоре Императорского завода развивается стиль ампир, характеризующийся лаконичностью художественного языка и монументальностью изделий, воспроизводящих лучшие образцы античной керамики. В этот же период, благодаря повышению таможенных тарифов для ввоза предметов роскоши, в частности фарфора, в России появилось много частных фарфоровых заводов, и стилем, на который они ориентировались в период своего становления, был ампир Императорского фарфорового завода. Традиции ампира породили множество декоративных приемов, которые развивались на протяжении всего их существования. Так было с «золотым нутром» и «полунутром» кузнецовских чашечек, а также с «крылатым» фарфором, образцы которого длительное время производились на частных заводах. Удачным совмещением русского национального языка и античной древности стало появление «Гурьевского сервиза». Присутствующие там скульптуры русских юношей и девушек одеты в национальные одежды свободного покроя, схожие с туниками древних греков и римлян. Автором форм стал главный скульптор Императорского фарфорового завода С.С. Пименов[22]. Главным живописцем был француз Адам, а его помощником – выпускник Академии художеств

А. Канунников. После войны 1812 года на завод по приглашению освобожденного из плена виконта де Пюйбюска приехало несколько опытных мастеров: токарь Ф. Давиньон, позолотчик-декоратор Моро и живописец Свебах. В тот же период на заводе под влиянием военной кампании появилась серия тарелок на военную тему («военные тарелки»), которые стали традиционно изготавливаться в период царствования каждого нового императора.

В период царствования Николая I (1825—1855) на Императорском фарфоровом заводе уже сформировалась целая коллекция ампирных ваз типа «фюзо», «бандо» и кратеров[23], отсылающих нас к античному наследию. Они украшались прекрасной живописью, аналогов которой не было в «фарфоровой» России того времени. Это «живописное» направление и станет преобладающим в деятельности Императорского фарфорового завода вплоть до второй половины XIX века, как и презентация ваз с новыми и новыми сюжетами и декорацией. Этой презентацией занималось специальное отделение «поднесения» внутри живописной мастерской, предметы из которой раз в год выставлялись на «высочайшее благовоззрение». То, что приходилось по вкусу коронованным особам, и определяло дальнейшую линию развития стиля в следующем году.

Императорский фарфоровый завод находился в ведении Кабинета его величества[24] и Министерства императорского двора[25]. Другое отделение живописной мастерской на-

зывалось «отделением сервизных вещей», где изготавливались предметы для пополнения сервизных кладовых императорских дворцов.

В период царствования Николая I впервые за все существование завода начинается закупка сырья за рубежом. Это объясняется стремлением соответствовать европейскому качеству, чтобы все было «как в Европе». В результате мел, глина, краски и глазури начинают выписываться из Франции. Кроме того, ведущими живописцами Императорского фарфорового завода николаевского периода становятся французы. Много значения в то время уделяется копированию лучших произведений западноевропейской живописи, полотен старых мастеров, русских живописцев-академиков, развивается также «цветочное направление».

В связи со столетием существования Императорского фарфорового завода высочайшим указом был образован заводской музей. Музей стал, по сути, выставочным залом для экспонирования многочисленных высокохудожественных предметов, скопившихся в царской кладовой и ждущих своего выхода на публику. Это были сервизы для различных дворцов, а также подарки других коронованных особ.

При Александре II (1855—1881) в годы демократических реформ, отмены крепостного права и победоносных войн на Балканах наблюдается отказ от золота на посуде и тенденция к общему сокращению производства. Императорский фарфоровый завод, безусловно, был убыточным предприя-

тием, требующим значительных затрат из бюджета. Созданные на нем предметы, обладая, как правило, высокими художественными достоинствами, стоили огромных денег. В результате Александр II пытался в рамках отдельного завода ликвидировать излишек фарфора и преодолеть кризис перепроизводства, хотя продать сверхдорогие предметы было очень нелегко.

Сын императора-реформатора, Александр III (1881—1894), женатый на датской принцессе Дагмар, отличаясь устойчивыми вкусами, тяготел к традициям Датской королевской мануфактуры, ее подглазурной живописи, а также к разноцветью китайских глазурей, чрезвычайно сложных в исполнении.

В годы правления Николая II (1894—1917) к производству на Императорском фарфоровом заводе были привлечены художники объединения «Мир искусства» (К.А. Сомов, Е.Е. Лансере, С.В. Чехонин), творчество которых в начале 1900-х годов заложило основы нового стиля модерн. Однако главным направлением в деятельности завода стало не оглядка на европейское искусство, а творческое переосмысление собственных традиций, обращение к наследию русского классицизма и усадебной культуре. До сих пор неоклассика является главным стилем в деятельности теперь уже Императорского фарфорового завода. В целом в этот период наблюдается сокращение предприятия и ориентация его на военные нужды, появление технического и химического фар-

фора, ставшего основой производства после революции и в 20-е годы.

В конце XVIII – первой трети XIX века фарфоровая промышленность России ограничивалась узким кругом заводов: Императорским, Гарднера[26], Попова, фаянсовым заводом Ауэрбаха, элитной Архангельской мануфактурой князей Юсуповых, кустарными гжельскими заводиками, а также небольшим количеством живописных мастерских, которые наряду с Архангельской мануфактурой закупали нерасписанную фарфоровую продукцию (белье) и краски на ведущих мануфактурах Европы или русских заводах, а затем на своих небольших предприятиях расписывали.

Фарфоровые фигурки и посуда с маленькими вазочками были как раз по карману среднему классу русского населения, ведь посуда Императорского фарфорового завода тогда не была в широкой продаже, обслуживая нужды только двора. Завод Гарднера в подмосковном поселке Вербилки выставлял свою продукцию на ярмарках, но она была очень дорогой. Главную прибыль владелец получал от заказов частных лиц благородного сословия. Небольшие гжельские заводы в качестве идеальной модели для подражания выбрали завод Попова в деревне Горбуново Московской области Дмитровского уезда. Его основал в 1804 году коллежский комиссар Карл Яковлевич Мелли (бывший комиссионер Гарднера). В 1811 году завод приобрел московский купец Алек-

сей Гаврилович Попов. Наряду с высокохудожественными росписями на западноевропейские сюжеты и исполнением на заказ «крылатых» сервизов, фабрика Попова занималась и поставкой посуды в русские трактиры. Такая посуда получила название «трактирной». Ее отличала богатая и вместе с тем простая цветочная роспись и особая прочность. Для трактиров России Попов не стал делать тонкостенных чашек. В качестве дополнения к своим «трактирным» чашкам и тарелкам Попов заказывал в Жостово большие опять же «трактирные» подносы. Ресторанная посуда, произведенная этой фабрикой, отличалась своим качеством от изделий других фирм.

Глава 4 Фарфоровые войны, или Подлинная история гжельского фарфора

Отшумел XVIII век... Закончился первый, самый трагичный этап в истории русского фарфора. Драгоценный фарфор сулил и баснословные богатства, и смерть. И дальше картина не меняется. Только «театр военных действий» из Москвы и Петербурга переносится в гжельские земли, поскольку овладевать фарфоровым искусством гжельские гончары стали позже, в начале XIX века.

Деятельность простого русского крестьянина-гончара обычно ограничивалась изготовлением в зимний период горшков всевозможных форм, кринок, кувшинов. Женщины и дети занимались еще и игрушечным промыслом. И на все шла глина, изделия из нее получались толстостенные, креп-

кие, способные выдержать огонь русской печки, где температура доходила до 300 градусов.

В гжельской керамике господствовала майолика с кирпично-красным черепком, а в 1802 году близ деревни Минино была обнаружена светло-серая глина, что и положило начало производству полуфаянса – керамической массы, по составу близкой к фаянсу.

Изделия из полуфаянса покрывались прозрачной глазурью, реже белой эмалью и имели светло-серый более толстый, чем у фаянса, черепок, который, правда, отличался меньшей прочностью. Изготавливали его из серой глины – так называемой «мининки» (благодаря местонахождению у деревни Минино). Изделия имели приземистые, устойчивые формы, для которых мастера выработали оптимально простую и вместе с тем декоративную роспись, синим по белой глазури. Полуфаянс прославил Гжель в конце XVIII века.

Однако на достигнутом гжельцы не остановились. В начале XIX века мода на хрупкий фарфоровый товар, наконец, докатилась и до русской глубинки, и первыми отреагировали на нее именно гжельцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.